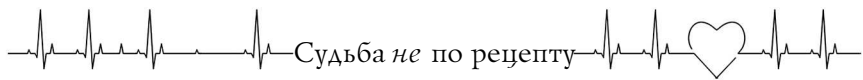

МАРИЯ
ВОРОНОВА

Сестра милосердия

МОСКВА

*Читайте романы
Марии Вороновой:*

Повод для знакомства

Клиника любви

Апельсиновый сок

Уютная душа

Мой бедный богатый мужчина

Любовь в режиме ожидания

Клиника верности и клиника жертвы

Книжная девочка

Ледяное сердце Северины

Рандеву на границе дождя

Кроткая заступница

Пропущенный вызов

Краденое счастье

Эхо первой любви

Ухожу от тебя замуж

У тебя есть я

Судьба без обязательств

Станция «Звездная»

Ангел скорой помощи

Вечно ты

Новая сестра

Сестра милосердия

МАРИЯ
ВОРОНОВА

Сестра милосердия

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление серии *Е. Петровой*
Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*
Редактор серии *Е. Дмитриева*

Воронова, Мария Владимировна.
В75 Сестра милосердия / Мария Воронова. — Москва :
Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-223841-3

Для того чтобы обрести счастливую семью, недостаточно быть княжной — в этом Элеонора Львова успела убедиться в стенах Смольного института. Еще нужно быть красивой и богатой, чем эта серьезная и умная девушка похвастаться не может. А потому, не дожидаясь выпускного бала, она бросает Смольный и становится медицинской сестрой. На ее счету тысячи спасенных жизней. Но вот устроить свою жизнь у Элеоноры возможности нет — потому что она безответно влюблена в доктора Воинова, который идет служить в Красную армию. А что может быть преступнее в глазах девушки «из благородных»?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223841-3

© М.В. Виноградова, текст, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

Элеонора проснулась с давно забытым предчувствием счастья. В прежней жизни бывали такие дни, когда она знала — должно случиться что-то очень хорошее. Обычно ничего не происходило, Элеонора понимала, что не будет и сейчас, но все же весь день провела с этим детским чувством. Скупой на похвалы профессор Знаменский, с которым она отстояла сложнейшую операцию по удалению осколка из плевральной полости, вдруг заметил:

— С вами сегодня было необыкновенно приятно работать!

— Благодарю вас. — Она сделала реверанс. Это получилось машинально и вызвало мимолетную неловкость. Хирурги отвели глаза, а Элеонора притворилась, будто страшно занята инструментами.

Но эта оплошность не испортила ей настроения. Она почти физически чувствовала, как в крови у нее пульсирует радость. Бледный-бледный апрельский вечер ласкал ее лицо теплым ветерком. О, это всего лишь аромат приближающейся весны... Под его коварным влиянием в сердце распускаются бутоны надежды, чтобы потом оказаться прибитыми заморозками действительности!

— Ничего не будет! — строго сказала себе девушка.

Но радость, редкая гостья, не спешила покидать ее сердце... И, пока шла домой, Элеонора чувствовала, что люди оборачиваются ей вслед.

Элеонора на секунду остановилась и зажмурилась от странного чувства нереальности происходящего. Вдруг сейчас она откроет глаза и окажется... где? В дортуаре Смольного института? Или в брезентовой палатке полевого госпиталя?

Или, напротив, сном была ее прежняя жизнь?

Элеонора Львова рано осиротела и не знала родителей. Первые годы, которые помнила плохо, росла в семье тетушки, а потом поступила в Смольный институт. За душой у девушки ничего не имелось, кроме титула княжны, поэтому получить хорошее образование было крайне необходимо.

Элеонора поймала свое отражение в тусклом оконном стекле и улыбнулась. Дело было не только в ее бедности. К сожалению, она не блистала красотой, что умаляло и так достаточно призрачные шансы на удачное замужество. Институтки поддразнивали ее, говорили, что она похожа на индейца, и Элеонора нехотя признавала, что доля истины в этом наблюдении есть. Порой классные дамы напоминали ей о том, что девушке необходимо следить за собой: мол, если она задумывается, у нее становится слишком суровое выражение лица, которое может быть превратно понято.

Словно в насмешку ей достались прекрасные каштановые волосы, настоящее богатство, и необыкновенно тонкая талия. Но чтобы заслужить репутацию красавицы, этого было явно недостаточно.

Кроме непривлекательной внешности Господь, увы, наделил ее острым умом, Элеонора шла первой по всем дисциплинам. Она готовилась к поприщу классной дамы,

но тетя взяла ее в свой дом по окончании курса, считая своим долгом хотя бы попытаться найти для племянницы хорошую партию. Ну а коль не выйдем, что ж...

Казалось бы, судьба ее была предрешена, но Элеонора неожиданно нашла интерес в той сфере деятельности, которой посвятил свою жизнь тетин муж, известный хирург Петр Иванович Архангельский. Он тоже расположился к племяннице и мало-помалу пробудил в ней интерес к медицине. Элеонора поступила на курсы сестер милосердия, а чтобы быстрее овладеть профессией, по протекции дяди пришла в самое сердце Клинического института, в его операционную. Ее взяла под свое крыло Александра Ивановна Титова, старшая сестра операционного блока, бессменная помощница Петра Ивановича, и обещала научить девушку всему, что знает и умеет сама.

Знакомство с Титовой состоялось в институте. Элеонора думала, что их представят друг другу как полагается, в доме Архангельских, за обедом или простым визитом, но Ксения Михайловна наотрез отказывалась принимать у себя простолюдинку, какой бы верной помощницей мужа та ни была. «Если уж приходится водить знакомство с подобными людьми, главное — всегда соблюдать дистанцию», — поучала она племянницу.

Вспоминая это, Элеонора невольно улыбнулась. Как смешно и беспомощно выглядели теперь эти незыблемые прежде правила! Но тогда, впервые попав в операционную, она согласилась с теткой и дала себе зарок держать дистанцию настолько большую, насколько это возможно. Это была совсем другая среда, совершенно другие люди, и Элеонора сначала ужаснулась нравам своих новых коллег. После чопорной вежливости и безукоризненных манер смолянок доктора и сестры показались ей настоящими чудовищами. Особенно один, любимый ученик Архангельского, Константин Георгиевич Воинов.

Элеонора улыбнулась. О, как же она была наивна! Воинов, еще совсем молодой человек, считался опытным доктором. Он приехал с фронта в отпуск и сразу объявился у своего учителя и благодетеля. Константин Георгиевич был подкидышем, рос в приюте и, вероятно, стал бы рабочим, если бы не заболел и не попал в Клинический институт. Петр Иванович вылечил его, а мальчик раз и навсегда влюбился в медицину и с тех пор уже не отходил от профессора Архангельского. Петр Иванович помог юноше выучиться и потом с удовольствием передавал ему все свои знания. Наверное, он привел бы его в семью на правах приемного сына, если бы не яростное сопротивление жены. Она терпеть не могла Воинова, называла не иначе как «парвеню» и говорила, что если человек подлого происхождения по какому-то недоразумению выучился на доктора, то это еще не значит, что нужно принимать его в обществе. Пусть лечит мужиков! «Он и лечит мужиков. На полях сражений!» — отвечал Петр Иванович, убедившись, что жена его не слышит.

Стыдно вспомнить, но сначала Элеонора полностью разделяла мнение Ксении Михайловны. Этот молодой человек, сильный, стремительный, с жестким взглядом, пугал ее настолько, что она побаивалась находиться с ним в одной комнате. Она постоянно ожидала от доктора какой-то оплошности и была настороже. А самое ужасное состояло в том, что Воинов прекрасно видел ее страх и жалел ее — мол, она слишком молода и невинна для поприща сестры милосердия.

Константин Георгиевич решил использовать свой отпуск для работы с наставником: перенять новый опыт, да и просто вспомнить, что хирургия — это не только огнестрельные ранения. Каков же был ужас Элеоноры, когда Александра Ивановна назначила ее помогать молодому доктору на операциях! Худшего испытания она предста-

вить не могла, но отступить было не в ее характере. Когда она увидела, как бережно Воинов обращается с пациентами, как старается им помочь, как умеет собраться в критической ситуации и вырвать у судьбы тот единственный шанс из тысячи, предубеждение ее рассеялось.

Обычно перемены в человеке совершаются незаметно, исподволь. Он живет, погруженный в свои заботы, и лишь случайно замечает, что стал выглядеть иначе и совсем по-другому думает о многих вещах.

С ней было не так.

В тот день они закончили плановые операции и сели готовить материал. В Смольном Элеонора считалась одной из лучших рукодельниц и сейчас освоила искусство приготовления марлевых шариков и салфеток без малейшего труда. Александра Ивановна один раз показала ей необходимую последовательность движений, и у Элеоноры дело пошло быстро и аккуратно. Кажется, она немножко разочаровала этим остальных сестер, которые называли ее «белоручкой», не слишком заботясь, слышит она их или нет.

Работа была механической, и между сестрами завязывался разговор, тягостный и пошлый, в основном касающийся мужей и возлюбленных. Иногда Александра Ивановна внушительно кашляла, сестры с неудовольствием поглядывали на Элеонору и замолкали, но после небольшой паузы беседа возобновлялась в том же духе.

Элеонора старалась не вслушиваться. Это была совсем другая жизнь, другой круг, и если следовать совету Ксении Михайловны и соблюдать дистанцию, то эта пошлость никогда ее не коснется.

Приготовление салфеток было обязательным для всех сестер, но Элеонора решила, что попросит Титову сажать ее где-нибудь отдельно от других, так, чтобы ни ей не пришлось слышать эти душевные речи, ни сестрам сдерживаться.

Вдруг раздался характерный стук распахнувшейся двери в операционное отделение и сразу вслед — грохот колес по коридору.

Александра Ивановна отложила марлю и выпрямилась.

— Саша! Открывай операционную быстро! — кричал Воинов.

Титова выбежала из материальной комнаты, Элеонора последовала за наставницей.

— Быстро, быстро! — повторял Воинов.

Он распахнул дверь в ближайшую операционную, схватил на руки лежащее на каталке тело и перенес его на операционный стол.

— Давай, Сашенька, милая, времени нет совсем!

Не произнеся ни слова, Титова открывала биксы с бельем и инструментами.

Подумав, что времени на классическую обработку рук не будет, Элеонора словно по наитию взяла склянку со спиртом и полила на руки Саше, Константину Георгиевичу и молодому ординатору, прибежавшему вместе с ним.

Коротко кивнув, Воинов растер спирт по рукам и молниеносно нырнул в стерильный халат, который ему подавала Саша.

Тем временем Сашина помощница, полная женщина средних лет, одна из немногих, кто искренне симпатизировал «белоручке», налаживала внутривенное вливание физиологического раствора и готовилась дать эфир.

— Что здесь, хоть в двух словах? — отрывисто спросила Саша, подавая Воинову корнцанг со спиртовой салфеткой для обработки операционного поля.

— Падение с высоты. Внутреннее кровотечение, а что именно, сейчас узнаем. — Быстро обработав поле, Константин Георгиевич выбросил корнцанг в таз и взял скальпель.

Тут в операционной возник профессор Крестовоздвиженский и воскликнул:

— Что вы творите, доктор!

— Что? Хочу остановить кровотечение!

— Тут же все ясно, коллега. Пациент, как говорится, уже убит, но еще не умер. Зачем вы идете на фатальную операцию, которая ничем не поможет этой несчастной?

Неужели это женщина? Элеонора впервые набралась храбрости и посмотрела на то, что лежало на операционном столе, прикрытое стерильным бельем. Да, женщина, причем молодая и, кажется, красивая... Но как страшно было ее лицо! До этого Элеонора присутствовала только на простых вмешательствах, и пациенты выглядели совсем иначе. Да, недуг накладывал свой отпечаток на их внешность, многие были бледные или, наоборот, желтушные, истощены или болезненно отечны, но такого она не видела никогда раньше. На лице этой девушки лежала тень смерти, это было видно совершенно ясно. Элеонора не смогла бы сказать, в чем тут дело и почему ей стало жутко, но живой человек так выглядеть не мог.

Воинов тем временем сделал разрез на животе девушки.

— Я действую по принципу Пирогова, — буркнул он, не глядя в сторону профессора, — когда больше нечего терять!

— Ах, доктор, доктор, — Крестовоздвиженский покачал головой, — вечно вы устраиваете какие-то авантюры за пределами здравого смысла и даже гуманности...

Но Воинов его больше не слушал, полностью сосредоточившись на операционном поле. Когда он вошел в брюшную полость, Элеонора с ужасом заметила, как кровь, скопившаяся внутри, медленно переливается через края раны и по операционному белью стекает на пол. Почувствовав, что теряет сознание, она приказала себе собраться. Сейчас каждая секунда на вес золота, каждое

движение, и она должна сделать все, что может, а если ничего не сможет, то хотя бы не мешать!

— Черт, не могу найти источник! Полный живот крови! Саша, давай салфетки, все что есть!

Элеонора побежала в соседнюю операционную и принесла большой бикс с салфетками.

Она еще совсем неопытная сестра, и толку от нее мало, но пусть Титова видит, что она здесь и готова выполнить любое ее распоряжение.

Встав в углу, она вытянулась в струнку, сжала кулачки и стала молиться, чтобы у Воинова все получилось. Краем глаза она заметила, что профессор все еще стоит на пороге со скептической усмешкой, насколько можно понять выражение лица, когда оно наполовину закрыто хирургической маской, и не делает никаких попыток помочь Воинову.

— Есть!!! — крикнул Константин Георгиевич. — Зажим в руку!

Через минуту в таз полетел какой-то синий сгусток.

— Разрыв селезенки, — сказал Воинов гораздо спокойнее, — ну, кажется...

Он принялся салфетками осушать брюшную полость и осматривать все органы, чтобы проверить, только ли в селезенке дело или повреждено что-то еще.

— Пот со лба! — приказала Саша, и Элеонора быстро подскочила к Воинову и одним движением отерла ему лоб. Ту же операцию повторила для ассистента и для Саши.

— Гемостаз есть! — Константин Георгиевич перевел дыхание. — Сейчас капайте ей как можно больше физиологического раствора. Проверьте там, поднимается ли давление хоть немного, а мы начинаем обратный ход.

— Все будет хорошо, Константин Георгиевич, — сказала Сашина помощница, — хорошо, что взялись, не послушали маститых профессоров.

— Рутинная, в сущности, операция, — хмыкнул Воинов, принимая от Саши иглодержатель, — первую спленэктомию выполнил Жюль Пеан еще в 1867 году, а мы тут сомневаемся, стоит делать или не стоит. Особенно если альтернатива понятно какая.

Набравшись смелости, Элеонора посмотрела на пациентку. Она все еще была очень бледна, но уже не страшной мертвенной белизной.

Когда Воинов начал ушивать кожу, в операционную снова заглянул Крестовоздвиженский.

— Пока жива? Удивительное дело, — едко заметил он, — особенно если учесть, что девушка хотела покончить с собой. Что ж, если артериальное давление держится, возможно, ее планам и не суждено будет сбыться. Но исходно дело представлялось совершенно безнадежным.

Воинов рассмеялся:

— Когда надежда есть, невелика заслуга победить...

Девушку увезли в палату послеоперационного наблюдения, а Элеонора осталась помочь Саше навести порядок.

Рассудив, что Титова очень устала на операции, она сказала, что сделает все сама, пусть Саша скорее идет отдыхать. Наставница не стала возражать, расцеловала Элеонору в обе щеки и со словами «умница ты моя» побежала по своим делам.

Элеонора провозилась больше часа, прибирая операционную со всей тщательностью, на какую была способна.

Проверив каждый уголок и напоследок окинув все помещение придирчивым взглядом, она отправилась в кабинет Титовой доложить о выполнении задания.

Открыв дверь, она увидела только Константина Георгиевича. Он стоял у окна и курил в форточку.

— Элеонора Сергеевна? — сказал он, не оборачиваясь. — Что, досталось вам сегодня? Испугались?

Она кивнула, забыв, что Воинов на нее не смотрит.

— Что поделать, милая Элеонора Сергеевна, такая у нас служба. Бывают такие моменты, а бывают еще и хуже. — Последний раз глубоко и жадно затянувшись, он погасил папиросу и обернулся к ней. — С этой девушкой, думаю, обойдется. Окажись на ее месте мужчина, шансов действительно не было бы ни одного, но женщины, слава богу, более совершенные существа.

Он вдруг очень простым жестом взял Элеонору за локоть и продолжал:

— Так и живем... Трудные победы пополам с горькими поражениями. Я бы хотел посоветовать вам выбрать какое-нибудь другое поприще, но вы так замечательно держались!

— Что вы, Константин Георгиевич! Я просто наблюдала, и все. — Элеонора мягко высвободила свою руку.

— Не скажите! Вы были очень полезны нам, а ваше остроумное решение по обработке рук... Не исключено, что на благоприятный исход повлияло именно это. Мы бы с Сашей начали обработку по Альфельду, потеряв на этом кучу времени! А вы не растерялись, такая молодец!

Благодарно улынувшись, Элеонора перевела взгляд на его руки. Рукава халата были закатаны, обнажая сильные предплечья с рельефно выступающими мышцами, а сами кисти оказались неожиданно небольшими, изящными, с желтыми от йода кончиками пальцев. Эти руки сейчас вытащили человека из лап смерти, подумала Элеонора и поняла, что отныне будет доверять Воинову безгранично.

Константин Георгиевич был не только талантливым хирургом, но и превосходным учителем. Спокойно и тактично он помогал ей осваивать премудрости работы операционной сестры, а она старалась не оплошать. Как же счастлива и безмятежна она была в те дни, выйдя из за-

мкнутого мирка Смольного института! Началась новая, настоящая жизнь, а будущее казалось невероятно интересным...

Видя, как юная сестричка сближается с доктором Воиновым, Александра Ивановна сочла своим долгом предупредить ее, мол, Константин Георгиевич пользуется репутацией ловеласа и распутника, и репутация эта более чем заслужена. Поэтому Элеоноре следует быть с ним очень осторожной.

Такое предостережение позабавило княжну Львову. Что ж, нельзя требовать от Титовой тонкости натуры, она просто не может понять, что происхождение и воспитание не позволяют Элеоноре «заводить интрижки», тем более с простолюдином. Каким бы хорошим человеком ни был Воинов, он ей не ровня. О, как же потом судьба наказала ее за эту самоуверенность...

После этого разговора ей на минуту стало беспокойно. Вдруг Константин Георгиевич действительно испытывает к ней чувства? Имеет ли она тогда право работать с ним? Может ли пользоваться его поддержкой? К счастью, вскоре выяснилось, что Воинов влюблен в дочь Архангельских, красавицу Лизу.

Ей пришлось стать поверенной этого романа, о чем до сих пор вспоминалось с чувством раздражения и удивления. Лиза вскружила Воинову голову, сама находилась в постоянной ажитации — и то, что она вздыхает по простолюдину, ее, кажется, не волновало.

Почему-то Элеонора была уверена, что роман этот закончится браком, представляла, в какой ужас от зятя придет Ксения Михайловна, но Лиза вдруг вышла замуж за промышленника Максима Воронцова. Более прекрасной партии трудно было себе представить, так что ничего удивительного, что она предпочла миллионера нищему доктору.

Константин Георгиевич ничем не показывал своей сердечной боли, но Элеонора понимала, как он страдает, и от всей души сочувствовала ему.

В то время она сама полюбила и знала, как это тяжело и больно...

Элеонора вдохнула воздух, в котором аромат молодой листвы уверенно пробивался сквозь тяжелый городской запах. Так не хотелось идти домой, там она окажется совсем одна среди четырех стен, а вечные склоки соседей по коммуналке за дверью только подчеркивают одиночество. Когда она поступила в госпиталь, ей дали крохотную комнатку в квартире, населенной разным сбродом. Она ничего не рассказывала про себя соседям, но те сразу определили, что она «немка» — за раздражающую их любовь к порядку, и «из бывших», не упуская случая ей мелко напакостить или просто напомнить, что время ее прошло. Что, впрочем, не мешало им обращаться к Элеоноре за медицинской помощью.

Любовь к порядку действительно досталась Элеоноре по немецкой линии — ее прабабушка, чье имя она носила, хоть крестили ее совсем другим, была немкой.

...Она вышла на набережную Фонтанки и остановилась возле чугунной решетки. Черная маслянистая вода медленно текла, отбрасывая на гранитные плиты отражение солнечных бликов... Чуть подалее росла старая ива; перекинув через ограду свой узловатый ствол, она тянула к воде ветви в молодых, но уже седых листьях...

Теперь, когда мир рухнул, когда ветер войн и революций разметал людей по свету и когда остались только воспоминания, Элеонора отметила, что почему-то все время думает о Константине Георгиевиче, а мыслей о своей любви избегает. Почему?

Может быть, потому, что эта любовь оказалась совсем не такой, как ей мечталось в Смольном? Потому, что ради этой любви она сделала то, чего совсем не хотела делать, то, что было противно ее натуре?

Элеонора полюбила поручика Алексея Ланского с первого взгляда, как только увидела. Был такой же весенний день, такая же солнечная погода, воздух наполнился любовью и надеждой... И она была такая же светлая и радостная, как весенний денек, и смело отдала свое сердце этому красивому молодому человеку.

Алексей ответил ей взаимностью, но предложение делать не спешил. Элеонора, в мечтах уже нарисовавшая себе и скромную церемонию венчания, и семейную жизнь, и материнство, изводилась, мучилась и ничего не понимала. Наконец они объяснились, Алексей признался, что так же беден, как и она, и просто не имеет права жениться, особенно теперь, когда идет война и он может быть убит. Оставить Элеонору молодой вдовой с младенцем и без ясных перспектив было бы слишком безответственно с его стороны. Надо подождать, сказал Алексей.

Это объяснение совершенно уничтожило Элеонору. Неужели он не видит, как она его любит? Неужели не чувствует в ней сил вынести любые испытания ради него? Главное — быть вместе перед Богом и людьми, тогда все под силу. Не страшны ни бедность, ни лишения. А если, не дай бог, Алексей погибнет, она достойно воспитает его ребенка, так что Алексей во всем может на нее положиться.

Неужели он считает, будто она такая же легкомысленная, как Лиза, и деньги имеют для нее хоть малейшее значение?

Со стороны решение Алексея выглядело благородным и самоотверженным, она пыталась себя убедить, что так оно и есть, но против своей воли чувствовала привкус предательства...

Ей было очень тяжело, и, окончив курсы Красного Креста, Элеонора поступила в подвижный фронтовой госпиталь, начальником которого был Константин Георгиевич. Он долго сопротивлялся, не хотел ее брать, но Элеонора сказала, что все равно уедет, не с ним, так с кем-нибудь другим, и Воинов покорился.

Они служили плечом к плечу, переживали вместе все тяготы фронтовой жизни. Воинов спасал самых безнадежных раненых, и Элеонора ему помогала как могла.

Он работал как проклятый, иногда не спал трое суток подряд, но всегда находил для девушки слово одобрения. Как ей теперь было стыдно за свои мысли о том, что он «не ровня»!

Элеонора восхищалась им, его ежедневным подвигом, тихим героизмом, когда он совершал почти невозможное для спасения солдат и в то же время вел себя так, будто не делает ничего особенного.

Может быть, если бы она раньше поняла величие этой натуры... Но когда в редкие свободные минуты Константин Георгиевич садился возле печки и, держа в ладонях кружку с очень крепким чаем, смотрел на тлеющие угли, Элеонора понимала, что он думает о Лизе и тоскует по ней. Как знать, может быть, надеется на встречу... В такие моменты приходилось напоминать себе о том, что она любит Алексея Ланского и обещала хранить ему верность.

В мерцающем свете керосиновой лампы тени на стенах палатки казались огромными и пугающими, и так уютно было думать, что за брезентом — темнота и звездное небо...

Элеонора беззвучно молилась, чтобы Господь хранил Алексея, чтобы они соединились, когда кончится эта война.

Очнувшись от молитв и мечтаний, она ловила на себе взгляд Константина Георгиевича, спокойный и добрый, и верила, что все сбудется и они будут очень счастливы.

ливы. Ей рисовались замечательные картины будущего, прекрасное лето, сирень и кружевные зонтики, жизнь на дачах в соседних домиках, Воиновы и Ланские... Вот они с Алексеем сидят на веранде, у нее на руках малютка, и тут возле калитки появляются Константин Георгиевич с Лизой, машут им, приглашая на прогулку...

А между тем в мире происходили перемены такие страшные, что Элеоноре было трудно в них поверить. Может быть, в Петрограде жизнь менялась более явственно, а у них были все те же заботы, все те же раненые. В войсках падала дисциплина, образцовые солдаты вдруг начинали вести себя совершенно недопустимо, и Воинов запретил Элеоноре отлучаться из госпиталя без сопровождения.

Потом она заболела тифом, и Константин Георгиевич, не слушая возражений, отправил ее домой, под крыльшко Ксении Михайловны. Если бы он только знал, что дома давно уж нет, гнездо разорено и Архангельские живут у Александры Ивановны...

Элеоноре просто фантастически повезло получить место старшей операционной сестры в госпитале. Теперь ее вряд ли приняли бы на такое хорошее место, с ее-то происхождением!

И Ланской... Элеонора вздохнула. Когда она вернулась из госпиталя и обнаружила, что в доме тетушки живут совершенно чужие люди, которые то ли не знают, то ли не хотят говорить, где можно найти Архангельских, девушка совершенно растерялась.

И, ни на что не надеясь, она отправилась на Васильевский остров, где жил Ланской. Казалось, ей станет легче, если она просто постоит рядом с его домом. Но в его окнах горел свет, и Элеонора с замирающим сердцем поднялась к нему, готовая снова увидеть чужие равнодушные лица.